

*А. М. Прихожан,
Н. Н. Толстых*

Подросток в учебнике и в жизни: кризис тринадцати лет

В 1990 году в издательстве «Знание» авторы настоящей статьи опубликовали небольшую книгу «Подросток в учебнике и в жизни». В ней сопоставлялись описания закономерностей психического и личностного развития подростка в отечественных учебниках по возрастной психологии и результаты посвященных этому вопросу эмпирических исследований, проведенных в разные годы, и, в частности, отражающие реалии 80-х г. г. XX века. Сегодня нам показалось интересным сравнить исследовательские данные и выводы тех лет с результатами современных исследований и наблюдений. За прошедший период, охватывающий почти четверть века, во всем мире и в нашей стране в особенности произошли существенные изменения всей социальной и культурной жизни, всего «технологического облика эпохи» (Э. Эриксон), что не могло не сказаться на протекании подросткового периода.

Мы выбрали лишь одну из проблем – проблему так называемого «кризиса тринадцати лет». Она была и остается центральной в отечественном научном дискурсе по возрастной психологии. Дискутируются не только отдельные аспекты протекания кризиса, но и сам факт его существования.

Необходимо отметить, что во многих западных учебниках (см., например: Л. Берк, 2006 Ф. Ю. Райс, К. Долджин, 2010, Д. Шеффер, 2006), а также в некоторых современных отечественных (Психология подростка, 2007) проблема подросткового кризиса не обсуждается вообще, а если и обсуждается, то лишь применительно к некоторым категориям подростков, по каким-то причинам сложно проживающим этот период, например, из-за нерешенности основных задач развития на предшествующих возрастных этапах.

Таким образом, в современной психологической литературе проблема подросткового кризиса рассматривается либо как центральная, либо как частная, либо практически игнорируется. Процитируем в этой связи, полностью соглашаясь с автором, известное высказывание И. Гете: «Принято считать, что между двумя крайними мнениями лежит истина. На самом деле между ними находится проблема». Подростковый кризис сегодня является проблемой.

Вопрос о том, является ли переход от детства к взрослости периодом кризиса или нет, можно, с одной стороны, рассматривать как вопрос исходных методологических допущений. Отечественные исследователи, продолжая ориентироваться на восходящие к Г. Гегелю диалектические представления о развитии, что наиболее ярко проявилось в концеп-

ции Л. С. Выготского о возрастном развитии, рассматривают подростковый возраст как принципиально проходящий через кризис, вне зависимости от того, проявляется или нет этот кризис в поведении, во внутренних переживаниях подростка. С другой стороны, ответ на этот вопрос можно искать в эмпирической плоскости. Именно так поступают западные, в особенности американские психологи, традиционно в большей степени позитивистски ориентированные. Эта традиция восходит к работам выдающегося исследователя подросткового периода, немецкого психолога Э. Шпрангера, который уже в 1924 г. писал, что изучаемые закономерности развития подростка надо понимать очень конкретно и ограниченно. По его мнению, психология подростка, принадлежащего не к буржуазному, а к другому классу и к другой эпохе, обнаружила бы совсем иные закономерности развития, иную его динамику, иную структуру личности.

Эту мысль в свое время разделял и Л. С. Выготский, сопоставляя в книге «Педология подростка» структурные особенности кризиса у «рабочего» и «буржуазного» подростков. Как известно, он предложил выводить суть подросткового кризиса из несовпадения трех точек созревания. «Половое созревание, – писал он, – начинается и завершается раньше, чем наступает окончание общеорганического развития подростка, и раньше, чем подросток достигает окончательной ступени своего социально-культурного формирования» [3, с. 70]. Графически он изобразил это в виде треугольника, вершинами которого и служат названные точки созревания: полового (П), общеорганического (О) и социального (С). Важно подчеркнуть, что наличие этого треугольника, его форма определяют, по Л. С. Выготскому, и сам кризис, и специфику его протекания у детей из разных социокультурных слоев. В «Педологии подростка» он рисует и подробно анализирует «треугольники развития» рабочего и буржуазного подростка.

Советский строй при подчеркивании пролетарской сущности государства одновременно ориентировался на полноценное проживание подросткового возраста и поэтому эталоном образования и воспитания являлся не «рабочий», а именно «буржуазный подросток», конкретными воплощениями которого стали юные герои произведений Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева С. Т. Аксакова, И. А. Гончарова, В. П. Катаева и др. На протяжении длительного времени в целом ряде работ русской дореволюционной, а отчасти и зарубежной психологии герой автобиографической трилогии Л. Н. Толстого Николенька Иртеньев рассматривался как типический образ подростка со всеми «классическими» особенностями переходного возраста. Например, в работе Л. Д. Седова «Психология юношеского возраста» приводились данные, собранные как самим автором, так и рядом других психологов и биографов, ко-

торые свидетельствовали, что Николенька Иртеньев действительно воплощает в себе наиболее характерные черты подростка.

Чертами «классического» (читай – буржуазного) подростка считались следующие: возникновение интроспекции, ведущей к самоуглублению, самоанализу; появление особого интереса к своим переживаниям, неудовлетворенность внешним миром, уход в себя, что выражается в замкнутости, стремлении к одиночеству, склонности предаваться мечтам, появление чувства исключительности, стремление к самоутверждению; противопоставление себя окружающим, конфликты с ними.

Не случайно поэтому, когда в конце 50-х г. г. Т. В. Драгунова под руководством Л. И. Божович проводила исследование особенностей советского подростка, было решено сопоставить их именно с «классическим» Николенькой Иртеньевым. В исследовании школьникам предлагалось перечитать ключевые фрагменты автобиографической трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность», отмечая моменты, которые особенно обратили на себя внимание – понравились или, наоборот, вызвали отрицательное отношение. Результаты показали, что многие подростки не только отмечали такие моменты, но и давали довольно подробные комментарии. Впоследствии психолог анализировал эти заметки, а главное, очень подробно беседовал с каждым подростком. В ходе беседы речь шла о герое трилогии – Николеньке Иртеньеве, об отношении подростков к его поступкам, мыслям, переживаниям. Подросткам также предлагалось решить, как они сами действовали бы в сходных обстоятельствах, и сравнить Николеньку со своими товарищами «и вообще с нашими ребятами».

К каким же выводам пришла Т. В. Драгунова?

Во-первых, примерно в 12 лет у советских детей конца 50-х г. г. XX века фиксировался перелом в отношении в себе: появлялся интерес к своему внутреннему миру, они начинали думать о себе, что роднило их с Николенькой.

Однако, как писала Т. В. Драгунова, такие размышления «не являются самоцелью, а связаны с анализом своих поступков, своих достоинств и недостатков. Эти размышления переживаются подростком как необходимость, так как, дорожа общественным мнением и отношением к себе окружающих, подростки стремятся выработать в себе черты, которые позволяли бы им добиваться успехов в деятельности и улучшать взаимоотношения с другими людьми. В связи с этим подростки осуждают Николеньку, что он был постоянно поглощен только самим собой и мало думал о своих поступках. Важно отметить, что наши подростки размышляют главным образом о своих поступках. Это не случайно, так как именно поступок является актом общественного поведения» [4, С. 135–136].

Этот вывод хорошо иллюстрируются протоколами исследования. Приведем выдержку из одного протокола, не только как иллюстрацию сказанного, но и для того, чтобы можно было почувствовать «дух эпохи».

«Экспериментатор: *Что тебе не нравится в Николеньке?*

Испытуемый: *Мне не нравится его погружение в себя, когда он думал только о себе, о своих чувствах и переживаниях. О себе думать тоже интересно: какой поступок хороший, какой плохой, какие чувства при этом возникают, что в них правильного и хорошего, а что не так – это все надо. Разбирать – это значит немного в себе копать, но ведь это необходимо, иначе можешь неправильно вести себя в обществе, неправильно переживать некоторые вещи. Но я думаю, что думать о своих отношениях с окружающими людьми – не значит копать в себе. Мне нравится думать об окружающей жизни и людях. Стараешься догадаться, что побудило человека поступить так, а не иначе, что он чувствовал при этом, как он относится к людям. Человек не может жить без внутренних переживаний, но только нехорошо преобладание личных переживаний над общественными, как это было у Николеньки. Он был большим эгоистом, мечтал о славе, хотел самосовершенствоваться, но для себя.*

Экспериментатор: *А ты не думаешь об этом?*

Испытуемый: *Конечно, думаю. Также составляю «Правила жизни», хотя и не такие, как у него; хочу стать настоящим советским человеком и приносить пользу обществу. Думаю, какая польза будет от меня и что надо сделать для этого. Сейчас это для меня очень важный вопрос, и поэтому я не знаю, куда дальше идти учиться» [там же, с. 134].*

Какую бы характеристику «классического» подростка ни рассматривала Т. В. Драгунова – размышления о себе, интроспекцию, самоуглубление, чувство одиночества и стремление к одиночеству, самоутверждение, она с завидным постоянством проводит одну и ту же мысль: да, все эти черты в той или иной мере присущи советскому подростку, но они иные по содержанию и играют совершенно иную роль, не замыкая человека на себе и лишь еще более способствуя его общению с другими, его жизни в коллективе. «Наши подростки обращаются к анализу своей личности, – писала Т. В. Драгунова, – как к средству, необходимому им для организации своей деятельности и взаимоотношений с окружающими людьми. В этом, мы думаем, заключается основная функция размышлений наших детей о себе в подростковом возрасте» (там же, с. 140).

Понятно поэтому, что вслед за высказываниями своих испытуемых – подростков конца 50-х г. XX века – исследователь полностью отрицает реальность той «пустыни отрочества», о которой писал Л. Н. Толстой. Напомним, что «пустыня отрочества» для Толстого (для Николеньки Иртеньева) – это период, когда разорвались те связи с матерью, с другими домашними, которые были в детстве, и еще не возникла юношеская дружба.

Остановимся здесь подробно на вопросе рефлексивности/нерефлексивности. Л. И. Божович в 1979 г. в статье, посвященной психологии подростка, из известного триптиха «Этапы формирования личности в онтогенезе», комментируя исследование Т. В. Драгуновой, приходит к выводу, что при всех отличиях советских подростков конца 50-х г. г. от Николеньки их объединяет именно возникающая в этот период способность к рефлексии. Она писала об этом так: «... общими для всех подростков, независимо от различия в их социализации, являются те психологические особенности, в основе которых лежит развитие рефлексии, порождающие потребность понять самого себя и быть на уровне собственных к себе требований, т.е. достигнуть избранного образца» [1, с. 351–352].

А. Н. Леонтьев рассматривал способность к личностной рефлексии, универсальную для подросткового периода, в качестве основного механизма «второго рождения личности» [8, с. 211]. Та же мысль содержится практически во всех работах по подростковому возрасту, исследований начала и середины XX века, а также последующих периодов (Э. Шпрангер, 1924, Л. С. Выготский, 1929–1931, Д. Б. Эльконин, Т. В. Драгунова, 1967, И. С. Кон, 1974, Н. И. Гуткина, 1987, Л. Ф. Обухова, 2004, и др.).

В конце 80-х г. г. мы попытались описать психологию подростков эпохи перестройки и ответить на вопрос, на кого они похожи больше – на толстовского Николеньку или на «драгуновских» подростков конца 50-х. Тогда мы не располагали результатами, полученными по экспериментальной схеме Т. В. Драгуновой, однако опираясь на проведенные нами исследования самосознания, высказали в упомянутой выше книге некоторые соображения об общих тенденциях протекания подросткового кризиса в те годы. Эмпирические данные, полученные самыми разными способами, на самых разных выборках – в Москве и в Орше, в городе и селе, в базовой школе Академии педагогических наук СССР и обычной средней школе «спального» района, в интернате для детей-сирот, свидетельствовали об одном и том же – о невыраженности личностной рефлексии у большинства подростков. Причем это было характерно не только для 12-летних, но и для более старших школьников, включая 16-летних. Создавалось впечатление, что подростки как бы растворяются в потоке жизни, не выделяя себя из него и даже сопротивляясь этому выделению.

В 2009–2010 годах мы повторили исследование Т. В. Драгуновой на выборке современных подростков. Представим полученные в нем результаты.

Начнем с того, что едва ли не самым трудным было уговорить школьников прочитать отрывки из трилогии Л. Н. Толстого, характеризующие переживания и мысли Николеньки. Нельзя сказать, что это было связано

с низким культурным уровнем детей. Мы сознательно выбрали для эксперимента хорошую московскую гимназию с сильной гуманитарной подготовкой. Это проявлялось, в частности, в том, что участвовавшие в эксперименте школьники имели хорошую речь, могли достаточно свободно выражать свои мысли. Однако задача выделить те фрагменты текста, которые созвучны или противоположны собственным внутренним переживаниям, мыслям, оказалась для них сложной. Но не потому, что они испытывали затруднения в понимании и анализе текста, а потому что им было сложно соотнести свои переживания с описанными Л. Н. Толстым. Не только 12–13-летние, но и более старшие подростки не идентифицировали свои переживания, мысли с переживаниями и размышлениями Николеньки о себе. Это проявлялось как в отсутствии непосредственного эмоционального отклика на прочитанное, так и в ответах на специальные вопросы экспериментатора. Возникало впечатление, что они искренне не понимают, какое отношение размышления Николеньки могут иметь лично к ним. Типичным в этом плане является ответ одного из семиклассников: *«Думать о себе? Анализировать? Да я и так о себе все, что надо, знаю или как-нибудь узнаю, если понадобится»*.

Подростки 1950-х г., на чем делает акцент Т. В. Драгунова, идентифицировали себя с Николенькой, непосредственно сопереживая ему во всех жизненных ситуациях, даже если поступки, мысли они оценивали отрицательно. (*«Умом осуждаю, а чувством нет»* [4, с. 212]. Иными словами, Николенька для них был близким, понятным сверстником, к которому они относились как к своему однокласснику, он был одним из них. Для современных подростков Николенька – почти марсианин, в лучшем случае литературный персонаж, наравне с героями басен И. А. Крылова или «Слова о полку Игореве».

В процессе индивидуальных бесед нам было чрезвычайно трудно вызвать подростка на разговор об их размышлениях о себе, о своих чувствах и переживаниях. Приведем в качестве характерного фрагмент из интервью, когда на вопрос экспериментатора: *«Размышляешь ли ты когда о себе?»*, мальчик с искренним недоумением ответил: *«Да что у меня других дел, что ли? нет!»*.

Пожалуй, единственный фрагмент из трилогии, который вызывал более-менее живой отклик, причем как у младших, так и у старших подростков, касался переживаний Николеньки ситуаций унижения со стороны француза-гувернера. Испытуемые Т. В. Драгуновой тоже остро воспринимали ситуацию унижения. Отличие современных школьников состояло в том, что чувство унижения они связывали, не с тем, что взрослые относятся к Николеньке, как к маленькому (как это было у советских подростков), а с неуважением человеческого достоинства подростка в прин-

ципе. Т. В. Драгунова, интерпретируя полученные данные, делает вывод о возникновении в подростковый период особого новообразования самосознания – чувства взрослости, которое определяет протекание кризиса подросткового возраста. Фиксируя как эмоционально значимую ситуацию унижения подростка со стороны взрослого, современные подростки никогда не видят в этой ситуации унижения взрослым ребенка, а только унижение личности одного человека другим. Похоже, что для современных подростков чувство взрослости в описанной в литературе форме (стремления обладать правами взрослого, но не его обязанностями), не свойственно. Им не надо бороться за свои права, для большинства из них соблюдение этих прав естественно. Для современных подростков наиболее значимыми оказываются не связанные с чувством взрослости самоуважение, личное мнение, собственные права и желания, что доказывается изучением системы ценностей, которое было проведено нами на той же выборке¹.

Подводя итоги исследования и сравнивая его результаты с полученными ранее, отметим тенденцию последовательного снижения рефлексивности у российских подростков. Если школьники конца 50-х обладают достаточно высоким уровнем рефлексии, то у подростков 80-х она оказывается слабо выраженной, а у современных подростков практически не выявляется. Подростки конца 50-х еще ощущают себя похожими на российского «буржуазного» подростка XIX века.

Для современных школьников «буржуазный» подросток Николенька Иртенъев – чужой, непонятный и неинтересный человек. Вместе с тем, они не похожи и на подростков 1950-х. Для последних общая деятельность, коллективизм не были пустыми словами, это были ценности, имевшие для них личностный смысл и выступавшие реально действующие мотивы. Если вспомнить знаменитое противопоставление А. Н. Леонтьева «реально действующих» и «только знаемых» мотивов, можно сказать, что у современных российских подростков коллективистические мотивы вряд ли являются и «только знаемыми». Перестав быть коллективистами, превратившись в индивидуалистов, они парадоксальным образом утратили рефлексивность.

Таким образом, наши результаты, наблюдения и беседы с подростками, данные других авторов позволяют поставить под сомнение сам те-

¹ Еще один фрагмент, на который обратили внимание современные подростки, в основном старше и в основном юноши – это сложные отношения Николеньки с другом его старшего брата – Володи – Дмитрием Нехлюдовым. Эти отношения они прямо трактовали как любовь и проявления бисексуальности. Оказалось, что это было одно из немногих мест повести, которое их непосредственно эмоционально затрагивало. Проблема бисексуальности в современной подростковой среде достаточно острая и интересная, о чем пишут Э. Эриксон, И. С. Кон и др. Однако этот вопрос выходит за рамки рассматриваемой темы.

зис о первостепенной важности личностной рефлексии для понимания подросткового кризиса.

Подростковая и юношеская рефлексия, интроспекция, как мы уже отмечали, когда-то считались (и были) характерными признаками переходного возраста, что проявлялось, в частности, в ведении дневниковых записей, писании писем друзьям, подругам, просто незнакомому, далекому собеседнику. В конце XIX – начале XX века многие психологические исследования базировались именно на анализе юношеских дневников. Затем в течение нескольких десятилетий рефлексия, интроспекция, «самокопание» рассматривались как буржуазный пережиток, который свойственен только большим индивидуалистам и эгоистам и не может быть чертой советского школьника-коллективиста. Заметим, что это было не просто идеологической установкой, но и действительно стало реальной психологической чертой нескольких поколений, выявленной и в психологических исследованиях. В конце XX века ситуация стала резко меняться. У подростка стало все более проявляться стремление к индивидуализации, утверждение своего уникального Я.

Однако при стремлении к индивидуализации и осознанию, утверждению собственного Я оказались утраченными способы для достижения этого. Подростки перестали вести дневники, в том числе и потому, что их не вели их родители. Культура эпистолярного жанра тоже была утеряна.

В настоящее время в связи с развитием информационных технологий – социальных сетей, мобильной связи – ситуация как будто меняется. Современный подросток почти все время пишет – либо sms-ки, либо сообщения в Твиттере². Однако функция и содержание этих текстов – принципиально иные, чем дневников и писем прошлых веков. Функция последних – разобраться в себе, содержание – мысли, переживания о себе, о жизни, сравнение своих переживаний с переживаниями других людей, литературных героев. Функция современных – рассказать «нечто» другим, причем это «нечто» – совсем не то, что было ранее объектом личностной рефлексии. Это рассказ о сиюминутных событиях. И если для полноценной личностной рефлексии необходимо было остаться наедине с самим собой (только в этой ситуации люди писали свои дневники и письма), то современное общение в социальных сетях – это как раз способ никогда не оставаться наедине с самим собой, боязнь, по выражению одного из современных молодых людей, «выпасть из потока жизни».

² «Количество пользователей Твиттера давно превысило 150 миллионов. Российских твиттерян уже 500 тысяч, и пророст осуществляется совершенно немислимыми темпами – за последний год количество русскоязычных пользователей Твиттера выросло в 26 раз. А после регистрации личного аккаунта президентом Дмитрием Медведевым в России случился буквально тви-бум». Добавим от себя, что подавляющее большинство пользователей Твиттера – молодые люди.

Еще одним средством развития самосознания традиционно считается доверительное общение с другом, любимым человеком, узким кругом близких друзей. Но в настоящее время такие формы общения становятся все большей редкостью. Доминирует то, что А. В. Толстых назвал в свое время «зрелищным общением» (1986, 2000). В этом общении «Я» заменяется на «Мы», обращенность к собственной личности заменяется поглощенностью восприятием зрелища, которым может быть и футбольный матч, и дискотека, и флэшмоб, и – в пределе – вся жизнь. Подчеркнем, что А. В. Толстых увидел, описал и дал название явлению, которое в 80-х годах только зарождалось, а сегодня может быть со всем основанием оценено как одна из болевых точек психологии современного подростка, все последствия которого для формирования личности, пока трудно прогнозировать. Может быть, именно это и стоит назвать кризисом современного подростка...

Литература

1. *Божович Л. И.* Этапы формирования личности в онтогенезе// Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. – СПб.: Питер, 2008.
2. *Возрастные и индивидуальные особенности младших подростков/* Под ред. Д. Б. Эльконина, Т. В. Драгуновой. М.: Просвещение, 1967.
3. *Выготский Л. С.* Педология подростка. М.: Изд-во БЗО при педфаке 2-го МГУ, 1929–1931.
4. *Драгунова Т. В.* О некоторых психологических особенностях подростка//Вопросы психологии личности школьника. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. С. 120–170.
5. *Толстых А. В.* Опыт конкретно-исторической психологии личности. – СПб.: Алетейя, 2000.
6. Шеффер Д. Дети и подростки. СПб.: Питер, 2003.

Л. Б. Шнейдер

Профессиональное самоопределение подростков в «координатах» отношения к времени жизни и труду

В современных условиях, когда возрастает роль личности и анализа факторов ее становления и самоорганизации, большое значение приобретает изучение проблемы профессионального самоопределения в аспектах отношения к времени жизни и труду. Самоорганизация времени жизни (СОВЖ) и трудовые ориентации проявляются и как личностные характеристики и как компонент образа жизни. Интерес к обозначенной проблеме обусловлен как теоретическими, так и практическими потребностями. «Шок будущего» (А. Тоффлер) – не выдумка науки, в наше время он хорошо известен и взрослым, и детям, и целому обществу. Современные подростки не умеют организовывать свое время, у них не сформиро-